

Александр фон Гумбольдт в Ишиме

История одной легенды

Я давно размышляла над вопросом о возможном посещении Александром Гумбольдтом нашего города, но побудительным моментом для работы над статьёй по данной теме стал приезд в Ишим 26 сентября 2004 года участников российско-германской экспедиции „По следам Александра Гумбольдта в Тюменской области“, приуроченный к 175-летию путешествия знаменитого учёного по России. Организаторы экспедиции – Андреас Фёрстер, председатель Немецкой Ассоциации выпускников и друзей Московского университета им. М. В. Ломоносова (ДАМУ), доктор из Берлина, и Дмитрий Михайлович Марьянских – доцент кафедры социально-экономической географии и природопользования эколого-географического факультета Тюменского университета, на встрече в краеведческом музее обратились к интересующей меня проблеме.

В ходе дискуссии, в которой принимают участие и сотрудница Берлин-Бранденбургской академии наук, доктор Роза-Луиза Винклер, предоставившая мне статью на немецком языке польского историка культуры Кишиштофа Зельницы „Ещё раз об ишимском эпизоде русско-сибирской поездки Александра фон Гумбольдта в 1829 году“, достаточно отчётливо определился первоисточник истории об известном учёном в маленьком сибирском городе.

В 1829 году Александр фон Гумбольдт по приглашению императора Николая I и министра финансов Георга фон Канкрин совершает научную экспедицию в Россию. Его спутниками были биолог Христиан Готфрид Эренберг и минералог Густав Розе. Маршрут экспедиции определялся заранее и предполагал осмотр рудников и металлургических заводов Урала и Сибири. Выехав из Берлина 12 апреля, путешественники через Прибалтику прибывают в Санкт-Петербург, а затем через Москву и Пермь на Урал. Достигнув Екатеринбурга, Гумбольдт и его спутники меняют заданный маршрут и добираются до города Богословска, ставшего самым северным пунктом путешествия. По возвращении в уральскую столицу они отправляются через Тюмень в Тобольск, предполагавшийся конечным восточным пунктом маршрута. Однако, Гумбольдт решил не возвращаться, а продолжать путешествие и посетить Алтай. Через Тару, Каинск и Барнаул он отправился в горы, затем через Усть-Каменогорск в Баты, почти к самой китайской границе. Южный вектор путешествия Гумбольдта проходил через Семипалатинск, Ямышевск, Омск, Лебяжью, Петропавловск, Звериноголовскую и т. д.

Перечень этих населённых пунктов не включает Ишима. Этот город, как место остановки путешественников, не фигурирует и в отчёте экспедиции, составленном Г. Розе. Описывая отрезок пути от Тобольска до Тары, Розе

Ишим во второй половине XIX века.

отмечает: „Вся местность между Тобольском и Барнаулом это преимущественно степи, которые хотя и пересекаются отдельными большими дорогами, на которых от станции к станции расположены деревни, но между ними преимущественно безлюдно и нет поселений. Главной дорогой является та, которая идёт через города Тара и Каинск на Томск и оттуда на Иркутск; отсюда в самом начале отходит также другая дорога – через Ишим на Петропавловск и на Ишимскую линию, откуда она следует через Тюкалинск на Омск и Иртышскую линию и по другой стороне через Каинск на Барнаул и Алтай. Мы выбрали вторую. (...) В Абалаке нас покинул наш тобольский друг генерал Вельяминов, передав нас своему адъютанту – господину Ермолову, приятному молодому человеку, племяннику знаменитого генерала Ермолова, который по распоряжению генерал-губернатора должен был сопровождать нас дальше до границ своего губернаторства. Сразу за монастырём путь покидал Иртыш, описывал значительную вытянутую на юго-запад дугу, и снова достигал Иртыша, который образовывал словно тетиву этого лука, только за одну станцию до окружного города Тары. Мы сели за монастырём на паром через Иртыш, достигли реки Вагай, левого притока реки Иртыш, текущего с юга, и проследовали вдоль этой реки до деревни Истяцкой, пятой станции от Тобольска. Отсюда взяли мы юго-восточное направление, примерно параллельное Иртышу и достигли после обеда 25 июля реки Ишим, следующего за Тоболом крупного притока Иртыша, который у деревни Викуловой, где мы его достигли, течёт между крутыми обрывистыми берегами, и прибыли ночью на маленькую реку Аёв. Оттуда

дорога, вновь приняв северо-восточное направление, проследовала вдоль этой реки, впадающей на полпути до города Тары в Иртыш”¹.

Из отчёта видно, что маршрут экспедиции проходил севернее, а по её возвращении – южнее города Ишима. Обладая этими сведениями, обратимся к эпизоду „пребывания” Александра Гумбольдта в Ишиме. Несмотря на свою недостоверность, рассказ об остановке немецкого учёного в маленьком сибирском городке ввёл в заблуждение многих учёных, журналистов, краеведов и уже по этой причине должен быть исследован и аргументированно опровергнут. Сама же история возникновения и распространения данного „апокрифа” в XIX-XX вв. весьма любопытна.

8 мая 1874 года поэт Яков Петрович Полонский отправляет в журнал „Русская старина” заметку „Гумбольдт в Сибири в 1829 г.”, которая по неизвестной причине была опубликована только в 1889 году². В ней излагалась следующая история: „Гумбольдт прибыл в Ишим (Тобольской губ.) для астрономических наблюдений и от ишимского городничего г. Стотчена (Stozin) тогдашний сибирский генерал-губернатор получил следующее донесение: „Несколько дней тому назад прибыл сюда немец, по имени Гумбольдт, худой, невысокого роста, на вид ничего не значущий, но важный и при этом он был снабжён письмом ко мне от вашего высокопревосходительства, в котором вы приказываете мне обращаться с ним вежливо и с воздержанием. Я же, хотя и принял его с достоподобным уважением, но всё-таки должен заметить, что личность эта кажется мне подозрительною и весьма опасною.

С самого начала он мне не понравился. Слишком много болтает и пренебрёт моим гостеприимством, несмотря на то, что повар мой Ферлиз (Ferlisa) печёт такие великолепные пироги, что я даже имел счастье пирогами моими угощать ваше превосходительство, а он, по-видимому, пренебрёт и мною и моим угощением. При всём том, явно не почтив своим вниманием высшие официальные лица в городе, вступил в разговоры с поляками и другими политическими преступниками, находящимися у меня под надзором.

Осмеливаюсь донести вашему высокопревосходительству, что подобные разговоры с политическими преступниками не ускользают от моего внимания, особливо с той поры, как после продолжительных с ними переговоров, ночью, ушёл он с ними же на вершину одного холма, господствующего над городом. Туда притащили они какой-то ящик и вынули из ящика инструмент, имеющий вид длинной трубы, которая и мне и всему обществу кажется пушкой. Утвердивши эту трубу на трёх ножках, он направил оную прямо на город и каждый из них стал к ней подходить и смотреть, верно ли она прицелилась.

Видя во всём этом великую опасность для города (так как весь он деревянный), я немедленно приказал гарнизону, состоящему из одного подпрапорщика и шести нижних чинов, идти к тому месту с заряженными

ружьями, глаз не спускать с немца и следить за его штуками. Если изменнические проделки этого человека оправдают мои подозрения, то мы положим животы наши за царя и святую Русь. Посылая к вашему высокопревосходительству донесение это с экстренным курьером, испрашиваю дальнейших ваших распоряжений и пользуюсь случаем уверить вас в моей готовности повиноваться и в моей преданности царю и отечеству, как честный русский офицер, который уже двадцать лет как состоит на службе.' "

Ишим во второй половине XIX века.

В 1957 году заметка из „Русской старины“ была перепечатана Прокопием Захаровичем Засекиным (1906–1990) в газете „Тюменский комсомолец“ под названием „Мятеж в Ишиме“³, а через несколько лет тем же корреспондентом – в „Тюменской правде“ и журнале „Урал“ с другими заголовками: „Донесение осла“⁴ и „Рапорт самодура (историческая бль)“⁵. Оставляя без изменения событийную канву, автор усиливал гротесковость ситуации разнообразными подробностями, свидетельствующими о непроходимой глупости ишимского городничего.

Особенно показательна в этом отношении „историческая бль“, в которой тюменский краевед предстаёт в роли небесталанного беллетриста, рисующего в традициях русской сатирической прозы колоритную картинку из жизни сибирского городка, но никак не историка, взыскующего правды. Приводим первую часть очерка П. З. Засекина:

„В степном захолустном городишке Ишиме, Тобольской губернии, творилось что-то невероятное. Назначенный городничим Сточен Евлампий Харитонович наводил порядки во вверенном ему городе.

Взяв бразды правления в свои руки, Евлампий Харитонович первым делом обратил своё недремлющее око на ‚высшее‘ общество Ишима, наложил

контрибуцию на прасолов и купчишек. И Боже упаси, если забывчивый купчишка, нерасторопный прасол или тяжкодум салотопенного заводика не вносили определённую мзду новому градоначальнику мукой, окороком, мёдом, маслом и прочими съедобными и перевариваемыми продуктами. Таких ждала неминуемая, страшная кара. Широко расставив ноги и упершись руками в бока, Сточен по-отцовски начинал с ноты ,до' и доходил до ,ля', распекая нарушителя порядка и спокойствия в городе.

Бывший екатеринбургский служака, прошедший, по его словам, огонь и воду, любил читать провинившимся длиннейшие нравоучения о любви к Отечеству, к дворянству.

,Я дворянин. А дворянство есть столп Российской империи. Мне доверено охранять порядок и спокойствие в городе, а посему извольте, господа, подчиняться непреклонно. К нарушителям порядка я непременно применю свою законную, Богом данную власть. Что есть городничий? – спрашивал Сточен у вспотевшего купчишки. – Здесь я есть власть, здесь я закон!"

Согнав семь потов с провинившегося, Сточен приказывал своему денщику выпроводить его за дверь и в назидание дать коленом под зад.

Не раз купчишки и заводчики писали слёзные прошения Тобольскому губернатору о злодействах и неблагонамеренных действиях Сточена, прося избавить их от ретивого служаки. В своих прошениях они указывали, что ,городничий зловреден и жесток, лаёт нас неподобными словесами, накладывает на купчишек непомерную дань, бранит матерными словами каждого прохожего'. Прощения горожан оставались гласом вопиющего в пустыне. Тобольский губернатор хранил гробовое молчание.

Свыкшись с действиями самодура и приняв как должное возмездие Бога за свои грехи, каждый старался внести своевременно свою лепту городничему, дабы избавиться от его отцовских наставлений. В день Святого Евлампия, однокашника и покровителя Евлампия Харитоновича, городское общество преподносило последнему в знак благодарности за труды и попечение о городе отрез отменного сукнеца на фрак, а бывало, и добротного рысака, запряжённого в пролётку. Вот так и жил припеваючи ишимский городничий Сточен. На устах горожан появилось ласкательное словечко: ,Чудак старикашка!' И старикашка выкидывал свои чудачества, как из рога изобилия. Старый солдат и вояка, Сточен любил прихвастнуть своею воинской мудростью. А посему каждое воскресенье при большом стечении народа приказывал подпрапорщику выгонять на учебный плац ,многочисленный' гарнизон, состоявший из шести солдат, вооружённых допотопными ружьишками.

Под хохот и крик городских ребятишек и баб Сточен брал на себя командование гарнизоном и, поставив солдат во фронт, громко отчеканивал: – Слушайте, ребята-молодцы! Таперь я буду командовать вами по воинскому уставу 1648 года, изданному в царствование нашего царя Алексея

Михайловича. Знайте, мерзавцы, что я знаком со многими науками и воинскими артикулами.

После краткого вступления подавались команды:

– Фурни пясть на лопасть! Виль бухвальцом на сторожу! Торни к ноге дюжо! Грянь на землю ражо! Широким к верху! Положь на плечо могучо! Сними с могуча плеча!

Солдаты в поте лица исполняли приказания старого вояки. А Сточен, переходя на визг, орал:

– Открой пальцем корытце! Ударь по лопатице! Залупи покрывальцо! Вынимай бередейку с мякотицей! Торни меж ног! Вынь кривильцо с вострильцом! Брось по руке! Боком повернись! Ко мне передом! Повернись задом! Повернись передом! Численько вывернись! Шастай вдруг в толпу! Пяться назад! Тулься вперед!

Уставший, но несказанно довольный, Сточен произносил последнюю самую любимую для солдат команду: „Ступайте, ребята, врозь!“ Охая и прихрамывая, солдаты старались поскорей ретироваться от взора рьяного полководца. Пронзительный крик и свист ребятишек ещё долго разносился над площадью и слышалась команда: „Торни к ноге дюжо!“ „Тулься вперед!“ Однако не одними военными артикулами увлекался сей достопочтенный муж. Городничий Сточен, как и все сибиряки, был слишком гостеприимным и хлебосольным хозяином. Прожив на солдатских харчах 25 лет, Евлампий Харитонович чрезвычайно любил приготовления своего повара. Он был влюблён в сибирские отменные пельмени, в шаньги и пироги. И Боже упаси, если кто-нибудь из приглашённых отказывался прийти к нему в дом. Тому грозила большая немилость и даже служебная неприятность. Так произошло и в 1829 году”.

Во второй части очерка П. З. Засекина дословно цитируется рапорт городничего из „Русской старины”.

Последующие публикации Г. Щербаква⁶, А. Башкирова⁷ Н. Кузьминского⁸ основывались на всё той же общеизвестной истории и печатались без ссылок на Я. П. Полонского и с полным изъятием его комментариев, в которых указывалось, что рассказ о Гумбольдте в Сибири заимствован из польской газеты „Gazeta Narodowa” и переведён с польского на английский для газеты „Glasgow Weekly Herald”, Glasgow, 1874, № 490. Не исключая существования документа о приезде Гумбольдта в Ишим, „может быть, случайно найденного в одном из сибирских архивов”, а затем подвергнутого тройному переводу – на польский, английский и вновь на русский, Полонский обращает внимание на несообразность имён двух лиц этой истории. Он замечает, что фамилия главы города – Стотчен (Stozin) – „очень может быть перевернута, как это часто случается в английских журналах”, также как и имя его повара – Ферлиз (Ferlisa), образованное от Фетиса или Федьки.

Современным авторам, среди которых были ишимские краеведы и тюмен-

ский исследователь В. Е. Копылов⁹, эти ономастические казусы не представлялись странными, как и момент установки подзорной трубы на вершине холма, „господствующего над городом“, – в Ишиме, расположенном на равнине.

Кто же был автором этой легенды и при каких исторических обстоятельствах она родилась? Ответить на этот вопрос во многом помогла статья этнолога и историка культуры из Вроцлавского университета Кшиштофа Зельницы¹⁰. В 1874 году польская „Gazeta Narodowa“, выходящая в городе Львове, публикует заметку под названием „Неизвестный эпизод из жизни Александра Гумбольдта“¹¹. Она представляла извлечение из мемуаров Константина Волицкого, найденных неким Йозефом Радоминским из Рапшервиля (Швейцария). Через два года рукопись была опубликована Радоминским в полном виде и с его комментариями во Львове¹². „Воспоминания Константина Волицкого о пребывании в Варшавской крепости и Сибири“ не переведены на русский язык и являются библиографической редкостью¹³. В этой книге отражены основные моменты биографии К. Волицкого. Дополненные сведениями из других источников, они позволяют представить его судьбу, характер, мировоззрение, а также круг его знакомых по сибирской ссылке¹⁴. Константин Волицкий родился в 1805 году в Королевстве Польском, был музыкантом и композитором, принимал участие в Ноябрьском восстании 1830 года. В 1833 году оказывал помощь и способствовал бегству через прусскую границу участнику партизанского движения Й. Заливского – Каликсте Божевскому, за что был арестован, заключён в Варшавскую цитадель и приговорён к сибирской ссылке с лишением всех прав дворянства. Отправленный в кандалах по этапу, он достиг Тобольска в августе 1834 года. Здесь генерал-губернатор Западной Сибири И. А. Вельяминов, знавший отца Волицкого, постарался смягчить ему наказание. По словам Волицкого, „...после освобождения Алябьева стало свободным место капельмейстера, а заброшенный оркестр приходил в упадок. Вельяминов предложил мне занять место капельмейстера под названием ‚вольнонаёмного учителя‘ с тем, чтобы у меня было право остаться в Тобольске. В то время это было очень трудно сделать, так как было постановление расселять польских ссыльных в отдалённые сибирские места и не более пяти человек в одном месте“¹⁵.

Капельмейстерскую деятельность Волицкий сочетает с преподавательской. Он учит музыке детей тобольской знати, бывая в семьях начальника штаба генерала Голофеева, председателя уголовного суда Кукуронова, генерал-коменданта де Герве. Среди тобольских знакомых Волицкого – поэт-декабрист Н. Чижов и учитель местной гимназии П. Ершов, прославившийся своей сказкой „Конёк-Горбунок“, созданной в студенческие петербургские годы. В мае 1839 года в связи с переводом оркестра в Омск Волицкий оставляет Тобольск, а летом 1840 года, получив разрешение вернуться на родину,

навсегда прощается с Сибирью. О его жизни и деятельности после ссылки ничего не известно. Умер Волицкий в 1863 году.

Обратимся к характеристике книги Волицкого с целью выявления степени достоверности изложенных в ней фактов. Она разделена на двенадцать глав, составленных из ряда эпизодов новеллистического свойства. Многие из них имеют трагикомический оттенок и прозрачный политический подтекст. Например, история дворового щенка Ослика, спасённого и выпестованного польскими ссыльными и принявшего гибель от громадного жандармского пса. Или криминальный рассказ о глупом, пьяном дьяке, который перед заутреней зарезал в своём доме крестьянина, разбогатевшего после продажи муки, а затем и собственную дочь – свидетельницу убийства. История дьяка завершается авторским выводом о повсеместности у русских („москалей“) обычая осенять себя святым крестом перед кражей и убийством или после совершения таковых, а также ссылкой на реальность этого случая, якобы зафиксированного в бумагах главного суда Тобольска, сохранившихся в местном архиве.

Антироссийские настроения К. Волицкого отчётливо проявляются и в „Рассказе Ершова о царе Кучуме“, включённом в одиннадцатую главу мемуаров: „Царь Кучум царствовал, миллионы татар заселяли эту землю; под благотворным правлением возрастали благосостояние и свобода. Но, подобно громоносной туче, вторглась с запада стая всадников. Ермак, пресыщенный убийствами и грабежами, собрал шайку негодяев и явился с ними на эту землю. Аллах наложил свою тяжёлую длань на Кучума, воины его разбежались, пожары уничтожили имущество, сам он стал бездомным, без приюта скитался по степям; в это время всадники добрались до места, где соединяется Тобол с Иртышом.

Быстро скачут ужасные разбойники вдоль Иртыша. Там, на горе, возвышающейся над Иртышом, стоял замок, в нём уже нет Кучума, но есть Сузге, его дочь, а с ней сто воинов, они с радостью отдадут свои жизни за княжну, спасут и сохраняют её. Ермак пришёл в эти места и штурм замышлял; уже рушились валы и трещали ворота, вот-вот разбойник станет хозяином этой твердыни. Под вечер собирает Сузге воинов своих, приказывает посреди замка сложить костёр, а тёмной ночью отправляет воинов на другой берег Иртыша. После этого посылает она гонца к Ермаку, чтобы на рассвете отдать ему замок и себя. Едва заблистали первые лучи, нетерпеливый Ермак со своей дружиной устремился к замку. Тихо и безлюдно в нём... входит во внутренний двор и видит зажжённый костёр, а на нём девушку со стрелой в руке. „Получай, Ермак, меня и мой замок!“ Сказав это, девушка вонзила стрелу в своё сердце. Пламя охватило её всю, и огненная ладонь вознесла её душу к небу. От дымящегося пепелища уходил Ермак в страхе и ужасе. Вскоре, желая соединиться с одним из своих заместников, ожидавших его с частью войска и лодками, он, перепрыгивая с берега на корабль, упал в воду

и погиб жалкой смертью в волнах Иртыша. Сибирский народ в предании своём увековечил память о княжне, а её именем освятил место, где стоял её замок." (с. 254-255).

Несоответствие этой „ершовской“ легенды основным моментам сюжета и самой концепции поэмы П. П. Ершова „Сузге“ бросается в глаза и заставляет усомниться в том, что именно в такой интерпретации она была услышана Волицким от поэта, который, как известно, в своём „сибирском предании“ рассматривал завоевание и присоединение Сибири к России как значимое явление всей русской истории. Изображая Сузге, одну из жён сибирского хана, с большим сочувствием и восхищаясь её подвигом, Ершов в то же время проводил идею неизбежной гибели царства Кучума и завоевания сибирских земель Ермаком и его сподвижниками. В поэме „Сузге“ Ермак и его атаманы – это не только очень храбрые, но и благородные воины, способные сочувствовать побеждённым. Покоривший крепость атаман Гроза почтительно обращается к Сузге со следующими словами:

Будь спокойна ты, царица!
Мы казаки, а не звери,
Мы уважим царский сан.
Бог нам дал теперь победу,
Так грешно бы нам и стыдно,
Милость Бога презирая,
Обижать тебя, царица.

Несложно догадаться, почему Волицкий искажил суть рассказа Ершова. С точки зрения поляка, узнавшего тюрьму и кандалы, история освоения Сибири Россией читалась как несправедливый захват земель у исконных народов этих мест.

В свете вышесказанного рассмотрим и интересующий нас эпизод о Гумбольдте в Ишиме, который входит в последнюю главу воспоминаний и фактически является финальным „аккордом“ всей книги. Эта глава, посвящённая отъезду Волицкого из Омска на родину и его короткому свиданию в Ишиме с находившимися там на поселении соотечественниками: Г. Зелинским, А. Янушкевичем, П. Чеплинским, М. Морачевским, столь же „мозаична“ по содержанию, как и предыдущие. В неё входят фрагменты с подзаголовками: „Ураган“, „Пожар“, „Освобождение“, „Храбрая кухарка“, „Её история“, „Мой концерт“, „Прощание с музыкой“, „Ишим“, „Рапорт городничего о Гумбольдте“.

В переводе с польского последний фрагмент предстаёт в следующем виде: „Покидая Ишим, хочу рассказать о его городничем. Это был грубо сколоченный, бочкообразный человечек, на его лице, как на вывеске, отчётливо вырисовывалась глупость, которая так и светилась в телячьих глазах; о степени этой глупости можете судить сами.

Нижеописанный случай произошёл ещё до губернаторства генерала

Сулимы, который очень хорошо ко мне относился. В один из вечеров пригласил он меня к себе; я застал его катающимся от смеха по дивану. Генерал дал мне бумагу, сказав, чтобы я сам её прочёл. Это было донесение того самого ишимского городничего, относящееся ко времени путешествия по Сибири Гумбольдта с целью тригонометрических съёмок некоторых её мест. Вот этот рапорт, а по нему судите сами об авторе, так как я лишь верный переводчик этого документа и не хочу присвоить себе ни кусочка авторской славы.” (с. 281-282).

Далее в мемуарах Волицкого цитируется само донесение (с.283-286). Польский образец отличается от русского перевода некоторыми деталями. У Волицкого речь идёт о кухарке городничего по имени Ферлиза, о попытке главы Ишима угостить приезжего немца не только пирогами („с нельмой”), но и „превосходной наливкой из княженики”, которой немец не только не попробовал, но ещё и „скривился весь от одного её вида”. И, наконец, под донесением стоит подпись: „Скотин, городничий города Ишима”. Эта „говорящая” фамилия, соответствующая художественному характеру всей книги Волицкого с многочисленными сатирическими эскападами, при переводе с польского на английский язык не была понята и предстала, как „Stozin”, а в русском переводе, как „Стотчен”. В этом плане небезынтесной будет и ссылка на Адрес-календари Российской империи за 1822-1829 гг., которые свидетельствуют о том, что в данный период городничим Ишима был подпоручик Лука Трофимович Мищенко, имевший знак отличия – военный орден, а в 1840 году (приезд Волицкого в Ишим) городом управлял коллежский асессор Иван Петрович Зубарев.

Кшиштоф Зельница, обратившийся к первоисточнику легенды о глуповатом городничем, сомневался в факте пребывания Гумбольдта в Ишиме. Но наличие самого документа (рапорта Скотина) не отрицал, утверждая, что в мемуарах Волицкого отражались только достоверные события и истинные переживания автора. По мнению польского исследователя, Волицкий воссоздавал близкий к реальности случай, который имел место не в Ишиме, а в Тобольске, разделённом на верхнюю и нижнюю часть. С городской „возвышенности” и смотрел в телескоп немецкий учёный. И сам рапорт, каким бы курьёзным он ни казался, вполне мог иметь место в государстве, где все друг за другом следили. Зельница даже допускает возможность обнаружения этого документа в российских архивах.

Подобная точка зрения опровергается дневниковыми записками Г. Розе, в которых говорится о постоянной помощи и внимании к немецким путешественникам самого генерал-губернатора И.А. Вельяминова, что уже исключает какое-либо вмешательство в их дела нижестоящих чинов. Опровергают мнение Зельницы и мемуары самого Волицкого, в которых вымысел выдаётся за действительность с помощью ссылок на несуществующие архивные документы.

Таким образом, можно достаточно уверенно утверждать, что книга К. Волицкого, как первоисточник истории о Гумбольдте в Ишиме, при всей своей занимательности и правдоподобию некоторых картин сибирской жизни, в целом тенденциозна, достаточно далека от документального исследования и при возможной публикации нуждается в основательных комментариях. Это подтверждает эпизод о знаменитом немецком учёном в маленьком сибирском городке, представляющий авторскую мистификацию.

● Татьяна П. Савченкова

Выражаю благодарность доценту кафедры социально-экономической географии и природопользования Тюменского государственного университета Дмитрию Михайловичу Марьинских за предоставленный для работ над данной статьёй авторский перевод фрагмента 5 главы первого тома книги Г. Розе „Путешествие от Екатеринбурга до Алтая“, а также доценту кафедры немецкого языка факультета иностранных языков ИГПИ им. П. П.Ершова Ирме Александровне Бангерт за помощь в переводе материалов на немецком языке.

Материалы статьи были отражены в публикациях:

1. Истоки легенды об Александре фон Гумбольдте в Ишиме // "Aus Sibirien 2006". Научно-информационный сборник. - Тюмень: ИПЦ "Экспресс", 2006 - С. 111-115.
2. Александр фон Гумбольдт в Ишиме: правда или вымысел? // Коркина слобода. Краеведческий альманах. Вып. 8. - Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П.Ершова, 2006. - С. 5-11.

1 Rose G. Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meere von A. Humboldt, G. Ehrenberg und G. Rose. Bd. 1-2, 1837-1842. Bd.1. S.494-495. Перевод Д.М. Марьинских.

2 Русская старина. 1889. Т.64. № 11. С.412.

3 Засекин П. З. «Мятеж» в Ишиме // Тюменский комсомолец. 1957. 17 июля.

4 Засекин П. З. Донесение осла // Тюменская правда. 1963. 10 февраля.

5 Засекин П. З. Рапорт самодура (историческая быль) // Урал. 1965. № 12.

6 Щербаков Г. «Осмеливаюсь донести...» // Тюменская правда. 1971. 23 ноября.

7 Башкиров А. Гумбольдт в Ишиме // Тюменский комсомолец. 1977. 23 января.

8 Кузьминский Н. Донесение губернатору // Уральский следопыт. 1984. №4.

9 Копылов В. Е. Александр Фридрих Гумбольдт в Тюмени // Копылов В.Е. Окрик памяти. История Тюменского края глазами инженера: В 3 книгах. – Тюмень, 2002. – С. 19. В статье приводятся «новые» подробности посещения Гумбольдтом Ишима: наблюдение учёного и его спутников с помощью подзорной трубы прохождения Венеры по диску Солнца, штурм палатки вместе с её обитателями местным служакой-градоначальником.

10 Zielnica K.. Noch zu der Jschim-Episode der russisch-sibirischen Reise Alexander von Humboldts im Jahre 1829. S.29-34. К сожалению, на ксерокопии статьи из периодического издания «Humboldt-Forschung», переданной мне Розой-Луизой Винклер, не были указаны выходные данные сборника.

- 11 Nieznany epizod z życia Aleksandra Humboldta // *Gazeta Narodowa* (Lemberg). 1874.
- 12 Wspomnienia Konstantego Wolickiego z czasów pobytu w cytadeli warszawskiej i na Syberji. – Lwow, 1876.
- 13 Автор данной статьи обращался к экземплярам книги, хранящимся в фондах Российской национальной библиотеки (С.-Петербург) и Всероссийской библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино (Москва).
- 14 Бухштаб Б., П. П.Ершов и Н. А.Чижов в воспоминаниях Констанция Волицкого // *Омский альманах*. 1947. Кн.6. С.159-163; Geber H. *Przypisy // Januszkiewicz Adolf. Listy z Syberii*. – Warszawa, 2003. – S.227.
- 15 *Wspomnienia Konstantego Wolickiego...* S.254-255. Перевод с польского Т.П. Савченковой. Далее цитаты из этого издания приводятся без специальных ссылок.